

Майнов Владимир Николаевич

**Поездка в Обонежье и
Корелу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Николаевич М.**
Поездка в Обонежье и Корелу / Майнов Владимир Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-519-94700-8

ISBN 978-5-519-94700-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Говорятъ, одно весьма высокопоставленное лицо на предложеніе побывать въ Петрозаводскѣ ужаснулось при одной мысли о поѣздкѣ въ эту болотную трущобу, куда даже, по его мнѣнію, и пробраться то невозможно, и крайне удивилось, когда ему разъяснили, что можно съѣсть на пароходѣ у Литейнаго моста и чрезъ двое сутокъ быть у Петрозаводской пристани. Подобное мнѣніе о путешествіи въ Олонецкую губернію довольно распространено и по истинѣ мало кто знаетъ, что путешествіе это не только удобно, но и можетъ доставить много наслажденія. Если бы перевести Неву, Ладогу, Свирь и Онегу куда нибудь за границу, то конечно берега украсились бы дачами, замками, деревнями и селеніями и сотни пароходовъ снова бы взадъ и впередъ, переполненные публикою, отправляющейся въ *lust-voyage*. Но у насъ вѣдь Россія, а публика наша — русская публика и отсюда лѣнь, отсутствіе охоты къ передвиженію, сонливость, апатія, недостаточность желанія къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, косность, отмѣченные еще старикомъ Кошихинымъ. Русскій человѣкъ — врагъ путешествій, онъ можетъ лишь ѣздить изъ Мордасы куда бы то ни было и обратно и притомъ всенепремѣнно съ чады и домочадцы, съ кузовками, пирогами, подушками. А между тѣмъ сколько поистинѣ дивныхъ мѣстъ, сколько интереснаго, непочатаго, дикаго и величественнаго находится подъ бокомъ хоть бы у Петербуржца; но прадѣдовскія поѣздки въ Токсово и отнюдь не далѣе Сѣрковъ — вотъ все, чѣмъ Петербуржецъ разнообразить свою гнилую жизнь среди вовсе не прекрасной болотины. Для тѣхъ, кто не ужасается при словѣ путешествіе и ищетъ новыхъ впечатлѣній, мы могли бы рекомендовать двѣ поѣздки, которыя и удобны, и не дороги и прекрасны: пароходомъ до Петрозаводска, а оттуда въ тараптасѣ по прекрасному природному шоссе на Кивачъ и Поръ-Порогъ — это одна, а другая изъ Петрозаводска пароходомъ же въ Повънецъ, все время причаливая къ красивѣйшему сѣверному берегу Онеги въ Кижѣ, Сѣнной Губѣ, Усть-

*

Яндомѣ, Палеостровѣ и Шунгѣ, а изъ Повѣнца въ экипажѣ на Масельгу Корельскую и на берега Сегозера въ столицу Корелии Паданы. И дешево, и сердито и поучительно, а ужъ поучительно до крайности, такъ какъ тутъ кстати можно увидать, что можетъ сдѣлать изъ болотины и дикой гранитной скалы человѣкъ энергичный и трудолюбивый, начиная съ Великаго Петра и кончая тѣмъ Фадькой, который теперь разрабатываетъ свои несчастныя пожни; а кстати, среди удивленія и восхищенія природою, любитель можетъ попробовать Корельскаго хлѣба изъ сосновой коры съ невѣйкою, Бѣляевскаго хлѣба малахитоваго цвѣта, которымъ питаются рабочіе сего Шивы Олоонецкихъ лѣсовъ, и наконецъ попробовать того рѣпнаго кваску, который безвредно пить можетъ только такое суконное бердо, вмѣсто горла, и переваривать такой жерновъ, вмѣсто желудка, какими заботливая природа надѣлила русскаго мужика.

II.

Разсчитывая захватить въ Шлиссельбургъ на могилу скопческаго лже-предтечи Александра Ивановича Шилова, я отправился изъ Петербурга на маленькомъ пароходѣ, устройство котораго, грязь и мочившій насъ всю дорогу дождь весьма много отнимали прелести у «красавицы Невы». Въ каютѣ разговоры о цѣнахъ на дрова, а также и о томъ, какъ слѣдуетъ учить дураковъ въ средѣ лѣсопромышленниковъ, частое посѣщеніе буфета мужчинами и сонливость дамъ, которыя у насъ на Руси вѣчно ухитряются проспать или вѣрнѣе проковыряться носомъ въ колѣни чуть не всю дорогу, все это заставляло невольно повиждать каюту и предпочесть дождь. Нева — дѣйствительно красавица; берега живописны, въ особенности, начиная съ Рыбацкой; по правому берегу проходитъ бечевникъ, на рѣкѣ значительное количество барокъ, пароходовъ, плотовъ; пассажиры-лѣсопромышленники считают долгомъ всепремѣнно справиться у мимо идущихъ на плотяхъ и баркахъ сплавщиковъ, чья баржа? и, услыхавъ фамилію, тотъ

часть же въ поученіе остальнымъ проѣанамъ-пассажирамъ прибавляютъ: «съ Свири значится», или «съ Сяси» и т. п. Вотъ замѣчательные по мѣстоположенію Островки, вотъ Невскіе пороги, которыхъ дамы пугаются и потому спѣшатъ уйти отъ грѣха въ каюту.

Большая часть судовъ (унжаки, тихвинки, сомины, соймы) буксируются пароходами, хотя нѣкоторая часть ихъ предпочитаетъ идти лошадьми; разъ только привелось увидать настоящихъ бурлаковъ (мологжанъ), которые на своей несокрушимой спинѣ тащатъ съ Мологи хозяйскія сомины. Замѣтно однако, что бурлачество на Невѣ отживаетъ свой вѣкъ и скоро мологская мужицкая спина не безъ пользы будетъ замѣнена болѣе быстрымъ и сильнымъ двигателемъ. На волоковхъ лошаденкахъ сидятъ бабы или дѣвки, рѣдко мальчуганы; отцы, мужья и братья на суднѣ изворачиваются среди луды (подводные небольшіе камни). Далѣе за Шлиссельбургомъ никогда не встрѣчается мужчина на волоковой лошади — это чисто уже бабье дѣло; на Свири и на при-онежскихъ рѣкахъ бабы преимущественно рыбачатъ и перевозничаютъ; на Вознесенской пристани у парохода вѣтъ ни одной лодки съ гребцемъ — все гребчихи, крѣпкіе, здоровые ручные мускулы которыхъ поспорятъ съ мускулами нашихъ невскихъ перевозчиковъ. Отъ Шлиссельбурга по каналамъ, по Волхову и по Сяси существуетъ даже насмѣшливое названіе «сарафанная почта»; почта эта состоитъ изъ небольшой крытой лодки (телятникъ), прикрѣпленной веревками къ тощей лошаденкѣ, а на послѣдней бокомъ, опираясь ногами на оглоблю, сидитъ возница — баба. Плата бурлаку и бурлачихѣ неказиста, но и ея бы было довольно, если бы бурлакъ не представлялъ краснаго звѣря для всѣхъ прибрежныхъ жителей, а бурлачиха не имѣла бы мужа, который не умѣетъ различать ея денегъ отъ своихъ собственныхъ. Бурлаку цѣна отъ 4 р. 20 к. до 5 рублей и даже до 6 р. (водовой. — тотъ кто ведетъ барку, нѣчто въ родѣ десятскаго надъ остальными бурлаками; онъ знаетъ путину какъ свои пять пальцевъ, а своего брата бурлака знаетъ еще лучше; онъ ренегатъ, а потому и хуже для бурлака, нежели самъ хозяинъ). Коштованье у бурлаковъ

или, что все равно, судовщиковъ, по большей части обще артельное; расчетъ бываетъ по доставкѣ на мѣсто, съ допущеніемъ заборовъ и даже переборовъ, которые въ особенности выгодны хозяину, и вотъ почему: есть переборъ — значитъ и на будущій годъ закабалена спина бурлацкая; русская натура такова, что рѣдко лишь отлыниваетъ отъ уплаты долга работою. Баба, дѣвка получаютъ отъ 2 р. 20 до 3 р. въ недѣлю, но на бѣду съ ними выѣстъ путину по большей части совершаютъ ихъ тятеньки, муженьки и братцы, а такъ какъ, какъ я уже сказалъ, сіи послѣдніе разности имуществъ не признаютъ, то и выходитъ на повѣрку, что дамы работаютъ въ пустую, а кавалеры крайне безцеремонно разыскаютъ дамскую трудовую копѣйку по безчисленному множеству кабаковъ, которые, какъ тенета, разставлены охочими до бурлацкой выручки людьми бурлаку на погибель, а себѣ на пользу. Интересно всего то обстоятельство, что количество кабаковъ прямо пропорціонально количеству затрудненій при плаваніи рѣкою; такъ напр. на Невѣ ихъ меньше — и кабаковъ меньше, на Свири ихъ больше — и кабаковъ видимо-невидимо. Сначала меня изумилъ этотъ фактъ, но какой-то словоохотливый купчикъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло, и затѣмъ при каждомъ порогѣ я первымъ дѣломъ искалъ глазами кабака, который и находилъ не вдалекѣ, тутъ же у берега. Дѣло объясняется весьма просто: подошло судно къ порогу — надо остановиться, чтобы или приготовиться къ спуску самимъ или приговорить мѣстнаго лоцмана (это случается рѣдко, большею частью на суднѣ лоцмануетъ водовой, который не хуже мѣстныхъ жителей знаетъ всякую луду) — отсюда задержка, гулевое время, а слѣдовательно и позывъ на выпивку; судно счастливо спустилось черезъ порогъ, опасность миновала — ну какъ же тутъ удержаться отъ легонькой выпивки, когда «въ горлѣ то уже свербитъ съ давишней, которая одна то заскучала». Такимъ то образомъ спускаетъ бурлакъ или судовщикъ хозяйское судно, пообтираетъ свою спину и раскидываетъ свой заработокъ по берегамъ сплавной рѣки, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ скаредный мѣшчанскій умишко, обладающій однако полнымъ знаніемъ его бурлацкой натуры, разставилъ сѣти на гроши его.

Нерѣдко по кабакамъ бурлаки пользуются кредитомъ—это то и есть самая главная пагуба бурлацкая. Поразсѣлся въ конецъ судовщикъ съ хозяиномъ и понесъ, положимъ, домой чутѣкъ деньженокъ, которыя достались ему за вычетомъ заборовъ, да прогуловъ,—а тутъ-тамъ уплатить надо, въ другомъ мѣстѣ опять должокъ есть; уплатилъ долгъ и радъ бы уйти отъ добраго цѣловальника, да тотъ что то ужъ не въ мѣру разщедрился—отъ себя косушку ставить; выпили — ну какъ тутъ не отвѣтить такою же? отвѣтилъ, забрусило въ головѣ—и къ уплаченному долговому четвертаку приплачивается уже чистоганомъ полтинникъ, а то и больше; а тутъ глядишь и еще горе: жена на бечевѣ избаловалась, тоже иногда выпивать стала, дѣвка, что по осень надо бы за-мужъ отдавать, загуляла не то съ бурлакомъ же, не то съ прикащикомъ.... Бечевникъ и путина сдѣлали свое дѣло: судовщикъ безъ денегъ, дома голодно, семья запропала! Спѣшу впрочемъ оговориться: иногда и бурлакъ, и жена его, и мальчикъ и дѣвка приходятъ домой неприкосновенными по части нравственности и съ выручкой, да только такихъ что то не часто видишь — видно ужъ тѣ остаются навсегда сидѣть дома, такъ какъ имъ удалось выполнить то, что почти невозможно, а именно и невинность соблюсти и приобрести капиталы. По большей же части судовщикъ и на будущій годъ идетъ въ кабалу къ хозяину изъ за лѣтшняго перебора, да зимней уплаты за него податей, и шляется онъ такимъ образомъ аккуратно нѣсколько путинъ сряду, пока не хватить его въ Питерѣ холера или тифъ, или же не сорвется онъ на Калашниковой пристани съ переходныхъ мостковъ и смертію своею не доставитъ обличителямъ случай обличить судохозяевъ въ скупости на постройку болѣе широкихъ сходней.

III.

Въ 15-ти верстахъ отъ Шлиссельбурга находятся пески, которые снабжаютъ Петербургъ пескомъ; у берега чуть не

постоянно въ продолженіе цѣлаго лѣта грузится отъ 30 до 40 барокъ (песчанки); работа кипитъ, слышна ругань, безъ которой русскій человѣкъ ничего не дѣлаетъ, да и сдѣлать не можетъ. На правомъ берегу на сѣренькомъ фонѣ неба выдѣляются знаменитыя «Красныя Сосны» — просто на просто оголенные 4 сосны съ плохенькимъ памятникомъ подъ ними. Какъ ни жалко на видъ это мѣсто, однако оно играетъ не малую роль въ исторіи нашей родины и запущенность Красныхъ Сосенъ доказываетъ только, насколько неблагоприятно потомство къ тому, кто выдвинулъ впередъ Россію; здѣсь Петръ Великій провелъ послѣднюю ночь передъ тѣмъ, какъ онъ совершилъ завоеваніе Нienшанца, небольшого землянаго городка съ посадомъ въ 400 домовъ при впаденіи въ Неву рѣчки Охты. Здѣсь проведена была, такъ сказать, послѣдняя ночь старою Россіей и слѣдующій день долженъ былъ разсвѣтъ мракъ, царившій надъ землею русскою. Если Петру не удалось окончательно изгнать мракобѣсіе — это не его вина. Поистинѣ удивительна неспособность русскаго человѣка къ чичеронствованію. Будь Красныя Сосны гдѣ-нибудь за границею — сейчасъ явилась бы тутъ же гостиница «Belle-Vue», какой-нибудь ветеранъ показывалъ бы памятникъ, окрестные жители стали бы продавать.... ну хоть бы шишки съ этихъ сосенъ на память туристамъ, — а тутъ никто даже и не вѣдаетъ, про что напоминаетъ этотъ жалконькій памятникъ. Вѣдь хотѣли же срыть домъ, въ которомъ пребывалъ Кутузовъ, вѣдь обращенъ же чуть ли не единственный памятникъ Петровыхъ дѣяній на Воронежѣ «чаусъ» (цейхгаусъ) въ мойку для шерсти купца капиталиста!

«Говорятъ, Петръ I на этомъ самомъ мѣстѣ ихнюю крѣпость взяли», поясняя мнѣ какой то лѣсопромышленникъ и на вопросъ мой: чью именно? отвѣчалъ безъ запятой: «татарскую». А одинъ такъ еще безцеремоннѣе сочинялъ окружающимъ его крестьянамъ, что тутъ Петръ Великій свою собаку любимую заставилъ поповъ похоронить, — «вотъ что чучело то въ Армитажѣ поставлена». Конечно можно самодовольно ублажать себя тѣмъ, что въ русскомъ человѣкѣ замѣчается полное отсутствіе чичеронскаго попрошайничества, что онъ не стрѣ-

ляетъ передъ путникомъ и не просить на чай за то, что далъ ему возможность слышать раскаты выстрѣла, повторенные горнымъ эхо, по полное отсутствіе знанія достопримѣчательностей края рѣшительно возмущаетъ. Во Владиміръ мнѣ не могли указать «Золотыя ворота», въ Новгородѣ никто не знаетъ, гдѣ находится домъ Марѣы Посадницы, въ Софійскомъ соборѣ мнѣ весьма добродушно показывали на одинъ небольшой колоколь и увѣряли, что это и есть вѣчевой; наконецъ въ Валуйкахъ, когда я пришелъ въ домъ, гдѣ остановился Петръ, нынѣшняя его обитательница чуть не выгвала меня оттуда и все повторяла: «какой тамъ Петръ Великій! тутъ и отецъ мой жилъ, и дѣдъ—все одни Покровскіе, а Петровъ тутъ не было никогда и шлаться нечего».

IV.

Подѣзжая къ Шлиссельбургу, передъ самымъ носомъ парохода открывается небольшая гора, на лѣвомъ берегу рѣки. На горѣ стоитъ церковь и какой-то каменный домъ—это и есть почитаемая всѣми скопцами могила Шилова, пособника и вѣрнаго приспѣшника основателя секты Кондратія Селиванова—Оспода Исуca Христа Оскопителя. Нанявъ лодку, и тотчасъ же свезъ вещи въ какое-то подобіе гостиницы и отправился назадъ на Преображенскую гору. Мѣсто для погребенія Шилова выбрано, по-истинѣ, крайне удачно: внизу Нсва омываетъ подошву горы; отъ Невы идетъ крутой подъемъ, затѣмъ на горѣ лѣсокъ и тутъ расположена церковь Преображенія съ кладбищемъ и богадѣльней. И церковь и богадѣльня выстроены однимъ значительнымъ шлиссельбургскимъ купцомъ. Долго бродилъ я среди могилъ, спрашивалъ прохожихъ и наконецъ совершенно случайно наткнулся на искомое. Шагахъ въ 300 или 400 отъ церкви, по направленію къ городу, на самой маковкѣ песчаной Преображенской горы бросается всякому въ глаза когда то бывшій роскошнымъ памятникъ. Сдѣланъ онъ изъ гранита; на четырехъ широкихъ гранитныхъ ступеняхъ помѣщается гранитный же саркофагъ; кругомъ раз-

валившаяся деревянная рѣшетка, развалившіяся ступени; земля подъ развалившимися ступенями провалилась, видно отверстіе, идущее въ глубь могилы—это то и есть пресловутая дыра, куда, по словамъ всѣхъ Ливановыхъ, Мельниковыхъ и К°, скопцы опускаютъ свои бублики, которыми потомъ и пріобщаются, какъ освященными. На боковой сторонѣ саркофага высѣчена надпись, гласящая такъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! подъ симъ памятникомъ погребено тѣло раба Божія Александра Ивановича Шилова», и ниже: «Предале духъ свой въ руцѣ Божіи въ 1799 году, Января 6 дня, по полуночи въ 2 часа, житія его было 87 лѣтъ, уроженецъ Тульской губерніи, села Маслова». Судьба этого человѣка крайне интересна. Долго сидѣлъ онъ въ Шлиссельбургско й крѣпости и не дождался царской милости, истекавшей изъ дѣйстви-тельно гуманнаго и христіанскаго отношенія Императора Александра I къ расколу или изъ другихъ причинъ, еще не достаточно опредѣленныхъ; 18-го марта 1801 года вышелъ указъ объ освобожденіи шлиссельбургскихъ скопцовъ-заключенниковъ, а въ 1799 году, въ ночь съ 5 на 6 января, Шиловъ умеръ. Какимъ то образомъ случилось такъ, что комендантъ затруднился, гдѣ похоронить умершаго арестанта, и послалъ спросить объ этомъ въ Петербургъ. Шиловъ, преслѣдовавшійся при жизни, и по смерти потерпѣлъ то, чему не подвергается ни одинъ заключенникъ; цѣлыхъ 12 дней тѣло его оставалось безъ погребенія, пока не получено было наконецъ изъ Петербурга разрѣшеніе, выраженное въ предписаніи на имя генераль-прокурора Беклешова отъ 18-го января, похоронить Шилова внѣ крѣпости. Есть преданіе, что комендантъ усомнился потому, что и самъ былъ не далекъ отъ перехода въ ученики Шилова, такъ какъ послѣдній сумѣлъ подѣйствовать на него отчасти прозорливостью, а больше всего необыкновеннымъ смиреніемъ, добродушіемъ и религіозностью. Тихо, скромно происходили похороны и тѣло предали землѣ у подошвы Преображенской горы, гдѣ и теперь еще можно видѣть углубленіе, которое осталось отъ бывшей здѣсь могилы. Прошло три года — времена перемѣнились. Императоръ Александръ, проникнутый христіанскою терпимостью, не на словахъ, а на

дѣлѣ, сталъ выказывать свое человѣчное отношеніе къ дѣлу вѣры и свободы убѣжденій; скопцы вздохнули свободнѣе и стали хлопотать между прочимъ « о перенесеніи » тѣла Шилова куда-нибудь въ болѣе удобное мѣсто. Прежнюю могилу его у подношья Преображенской горы въ полуводье заливало водой и имъ удалось выхлопотать у правительства разрѣшеніе перенести гробъ Шилова на вершину горы. Перенесеніе происходило уже съ помпой; тѣло при вскрытіи гроба оказалось неиспортившимся и по увѣренію скопцовъ: «батьюшка лежалъ словно только-что положенъ, только ноготокъ на ногѣ почернѣлъ». Но снова невзгода постигла скопцовъ и теперь памятникъ Шилова, сооруженный всего въ 1829 году, уже разваливается и пришелъ въ совершенный упадокъ.

Поразговорился я съ однимъ встрѣчнымъ прохожимъ, который оказался старожиломъ; поразсказалъ онъ мнѣ о «чудесной могилкѣ» и о «Божьемъ человѣкѣ» много интереснаго и къ довершенію всего оказался истымъ православнымъ. «Вотъ», говорю, «дырочка то это зачѣмъ же?»—«А это», отвѣчаетъ, «народъ продѣлалъ; много разъ зарывали и закладывали дырочку отъ начальства, да все раскапываютъ».—«Кто же?»—«Да народъ-отъ здѣшній!»—«Зачѣмъ?» спрашиваю.—«Опущаютъ туда хлѣбъ и иную пищу какую—отъ болѣзней помогаетъ: угодилъ Господу Богу этотъ блаженный!»—Вотъ вамъ отношеніе русскаго человѣка къ дѣлу: апатія ли это только или дѣйствительное добродушіе?—пусть разбираетъ, кто хочетъ. Слова этого старика напомнили мнѣ казусъ, который мнѣ привелось видѣть въ Тамбовской губерніи: по одной изъ большихъ дорогъ губерніи часто проходятъ обозы съ извозчиками изъ татаръ; разъ какъ то я былъ очень удивленъ, увидавши, какъ хозяинъ постоялаго двора сталъ на вечерней зарѣ совершать по всей формѣ омовеніе. «Это что?» спрашиваю. «И чистота и лѣпота», отвѣчаетъ, «да и для души, говорятъ, полезно». Ну, а это что же такое? тупоуміе, обезьянство или же неопредѣленное исканіе чего то, въ чемъ не даютъ себѣ отчета? Скопцы послѣднее, но ужъ никакъ не первое. А то такъ одна старушка въ Тамбовской же губерніи выискалась, которая прошла въ Іерусалимъ сухимъ путемъ и пресерьезно увѣряла, что

такое путешествіе гораздо дешевле стоитъ, и притомъ несравненно удобнѣе. «Да какъ же ты, мать, шла?» — «А черезъ Кавказъ, по турецкой земли вплоть до Бирутьева; монахъ одинъ ихній со мною встрѣлся, очень святой человѣкъ, такъ даже весь пляшетъ, когда Богу-то молиться учнетъ (дервишъ); всеё дорожку со мною и шелъ, матушкѣ называлъ—онъ же мнѣ на прощаньи подъ Бирутьевымъ и образчикъ Егорія Побѣдоносца подарилъ—вонъ у иконъ-то поставленъ». — «А турки то?» говорю. — «Да что же турки? они народъ добрый: и кормили, и поили и пары давали». Гляжу—пресловутый образчикъ Георгія Побѣдоносца, какъ называла дервишевъ подарокъ старуха,—а это персидскаго издѣлія жетончикъ со изображеніемъ боя Рустема съ дракономъ. Впрочемъ что же! съѣздила же вѣдь одна калужская баба на телѣгѣ въ Баръ поклониться по обѣту Николѣ и осталась крайне довольна и Италіей и приѣмомъ итальянцевъ.

V.

На обратномъ пути къ паровой пристани я разговаривалъ съ лодочникомъ, какъ оказалось, рыбакомъ; жалобы, жалобы и жалобы. Рыбки стало не въ примѣръ меньше; только сига попадаютъ, а стерлядки такъ рѣдко, что и на поди! Палья тоже нынче въ глубь ушла, въ озеро, а по Невѣ рѣдко попадаетъ; лососю, что Христовой заутренѣ, радуешься. Цѣны на рыбу стоятъ высокія, да улова мало. Кто прежде на три невода бралъ, нынче и съ однимъ маится. Кабы рыба не ушла, жить бы по цѣнамъ можно, стерлядь отъ 75 к. и до 1 р. доходить за фунтъ при 10-ти фунтовомъ вѣсѣ рыбыны; сижки до 1 р. на мѣстѣ продаются фунтовъ 4—5; на лосоську спросъ великъ, да руки коротки. Хуже жить стало; пароходовъ развелось много—отбили работу у прибрежныхъ жителей, жившихъ бурлачествомъ, всю рыбу угнали изъ этихъ мѣстъ. — «Ну а сачите рыбу?» спрашиваю, и мнѣ съ усмѣшкой отвѣчаютъ: «Какъ не сачить, сачимъ». Сами понижаютъ, къ чему клонится мой вопросъ, сами надъ собой же